

Верность долгу

В мае 1881 года, окончив Петербургский университет со степенью кандидата, Иван Афанасьевич Бычков подал заявление о зачислении его в число сотрудников Государственной Публичной библиотеки. В делах библиотеки и до сих пор хранится документ, на котором рукой директора написана резолюция: «Удовлетворить. Зачислить в рукописное отделение. А. Ф. Бычков». Этой скупой резолюцией отец благословил сына, вступающего на ту же стезю служения науке и культуре, по которой сам честно и преданно шагал уже не один десяток лет.

Вот уж 63-й год пошёл, как Иван Афанасьевич работает всё в одном и том же зале Публичной библиотеки. И нет человека из многих тысяч учёных, литераторов, студентов, что за эти полвека склоняли головы над старинными русскими рукописями, который бы не знал Ивана Афанасьевича. А узнав, не преисполнился бы к нему чувством тёплой признательности и глубокого уважения.

Чем рождено это чувство? Только ли оно дань глубоким познаниям учёного, чьё имя значится на 160 научных трудах, кого Академия наук почтила званием своего члена-корреспондента? Уважение к человеку, который является общепризнанным знатоком русского рукописного богатства?

Всякому, кто хоть раз встречался с ним, видел его характерную подвижную невысокую фигуру, с типичным русским лицом и удивительно живыми глазами, — трудно было устоять перед обаянием редкого душевного благородства этого человека. До самого последнего времени Иван Афанасьевич выполняет свои обязанности со щепетильной педантичностью. Он никогда не опазды-

вает, по нём можно хоть часы сверять, минута в минуту совершал он пешком путь от дома до библиотеки. В 80 с лишним лет он сам подымался по лестнице за просимой ру-



копией, собственноручно нёс тяжёлые фолианты, хотя часто просители бывали втрое моложе библиотекаря.

— Это — моя обязанность, молодой человек, и, пожалуйста, не смущайтесь и не жалейте меня...

Своими внимательными глазами, которые и до сих пор он упорно не вооружает очками, он подмечает всё вокруг.

— Анна Николаевна, вон тот молодой человек, что-то уж больно долго задерживается на одной и той же странице, видно, ему не разобрать, сходите, милая, помогите ему.

Только истинная любовь к делу могла развить в нём такое поразительное знание всех богатств, отданных под его хранение, — он чуть не наизусть знает основные документы, — позволила держать в памяти местонахождение любой рукописи.

Иван Афанасьевич не покинул библиотеку и в годину войны. С той же аккуратностью появлялся он в библиотеке, занимал своё место, стойчески мужественно переносил все лишения и опасности. Однажды снаряд разорвался так близко, что вылетевшие стёкла только по счастливой случайности не заделали его.

— Я хорошо знаю историю, милые мои, — говорил он своим сотрудникам, — и твёрдо помню, что в Петербурге со дня его основания не было ноги неприятеля, и твёрдо верю — не будет. Никогда не будет!

Так работал он в тёмном, неосвещённом, холодном помещении, и никто не слышал ни разу из его уст слова жалобы, не видел проявления слабости.

Зимой 1942 г. Иван Афанасьевич заболел. Но даже больной он не выключил себя из жизни библиотеки. Ключи отделения хранятся у него. К нему регулярно приносят для оценки все приобретенные рукописи.

Недавно ему принесли автограф немецкого философа Канта и рукопись Белинского. Иван Афанасьевич одобрил и то и другое приобретение, но добавил, бережно разглаживая рукопись великого русского просветителя:

— Прошу помнить и учитывать: наша библиотека национальная!..

Сейчас Иван Афанасьевич занят подготовкой к изданию 8 тома «Писем и бумаг Петра I». Этот труд был начат ещё его отцом — А. Ф. Бычковым. Отец издал пер-

вые четыре тома. 5, 6 и 7 тома уже подготовил Иван Афанасьевич.

С величайшим терпением изучает он богатейшие и редчайшие документы, проникая в их сокровенный смысл. Это не просто труд бесстрастного расшифровщика. Это — работа мыслителя. С какой гордостью Иван Афанасьевич сообщил недавно такую подробность, установленную им, ещё глубже утверждающую нас в истинном величии Петра I.

Разбирая бумаги Петра I, Иван Афанасьевич установил, что во всех указах, бумагах до 1709 года Петр I подписывался «Питер». Это была дань голландскому влиянию. Но с 1709 года Пётр I подписывается уже своим русским именем «Пётр». И это не случайность: 1709 год — это год Полтавской победы...

Не удовлетворяясь составлением 8 тома «Писем и бумаг Петра I», Иван Афанасьевич приводит в порядок и составляет описание громадной исторической библиотеки своего отца, переданной в дар Публичной библиотеке.

Но, продолжая напряжённо работать, Иван Афанасьевич тоскует по библиотеке. Его тянет туда властная сила любви, полувекковой привычки, слившейся в себе понятие долга. Недавно, едва оправившись, он решительно потребовал пальто и шляпу.

— Куда? — встревожилась Мария Константиновна, его верный друг и спутник жизни. Она знала, как слаб после болезни Иван Афанасьевич.

— Никуда вы не пойдёте, Иван Афанасьевич!

Иван Афанасьевич огорчённо вздохнул:

— Что ж, значит помирать — раз нельзя работать.

И такая боль прозвучала в его голосе, что Мария Константиновна

тронувшись ею. Она оделась и вышла вместе с ним.

Они шли медленно, и, сколько ни уговаривала Мария Константиновна, Иван Афанасьевич не соглашался вернуться.

И только когда стал падать дождь, Иван Афанасьевич поглядел на ноги жены и, увидев, что она без галош, сдался.

— Вернёмся, а то ты простудишься, — сказал он озабоченно.

Сегодня Ивану Афанасьевичу Бычкову исполняется 85 лет. Кажется, время бессильно подточить силу его духа. Его ум всё так же остёр и светел, его глаза всё так же горят огнём жизни, он попрежнему деятелен, хлопотлив, полон веры в победу, живого интереса к жизни.

Утром, получая газету, он прочитывает её от начала до конца. Когда он находит материал о зверствах немцев, об их чудовищных злодеяниях, голос его твердеет и становится жёстким, как голос прокурора:

— Слушай, — говорит он жене. — Слушай внимательно. Мы — русские и должны всё это запомнить. Всё, до мелочи.

Недавно осколком снаряда была убита Марина Феноменова — одна из сотрудниц библиотеки. От Ивана Афанасьевича скрывали её смерть. Но он догадался по какой-то интуиции о несчастье и потребовал объяснений. Узнав правду, он горестно помолчал, а потом сказал убеждённо и твёрдо:

— Вот и за её гибель мы взыщем с германцев!

В трудные дни войны Иван Афанасьевич Бычков стоит в железном строю своих сограждан-ленинградцев как замечательный учёный, как подлинный патриот.

С. ЕЗЕРСКИЙ